

18+

Территория Творчества
Девять Жизней

Группа независимых авторов «ВКонтакте»

Валентина Спирина

**Девять Жизней. Группа
независимых авторов «ВКонтакте»**

«Издательские решения»

Спирина В. П.

Девять Жизней. Группа независимых авторов «ВКонтакте» /
В. П. Спирина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908599-3

«Девять жизней» — это девять авторов, которые встретились в социальной сети и объединились для создания литературного сборника. Великолепная пейзажная лирика, чувственные и эмоциональные стихотворения о любви, проникновенные и глубокие произведения, в которые захочется погрузиться с головой, гражданская поэзия, атмосферная, полная загадок проза, стихи в духе Хайяма, и то, что держит на плаву мир — юмор. Добро пожаловать в нашу Вселенную! Все произведения в книге печатаются с согласия авторов.

ISBN 978-5-44-908599-3

© Спирина В. П.
© Издательские решения

Содержание

Александр Дагай	6
К вершине бытия незримо возношусь	7
Дух Хайяма	8
Анжелика Бакир	24
Природная россыпь значений и смысла	25
В рассветной дымке	25
Вьюга вьюжная	26
Нежности вспыхнувшей крик	27
По тонкому льду	28
Весенница	29
Растревожилось	31
Хорошо на душе! Хорошо!	32
У нежности касание – миг	34
Тихой мелодией нежной	35
По шепоту листьев... По шороху снега...	36
Мой милый Август, как же ты влюблён	37
За цветами Скиф	38
Василькового цвета утро	39
Капризы фэнтези девчонки	41
Очередной ведёт показ	42
Не роняй мне, осина, листву	43
Грусть	44
Осень-Рысь	45
Природы поздней тёплая пастель	46
Нечаянный экспромт	47
Терпкий запах дождя	48
Писем не пишу	49
Тишина внутри	50
Сквозь амальгаму забытой античности	51
Раскрепостилась и перекрестилась	52
Не дари. Не встречай. Не надо	53
Максим Киселёв	54
Хочу дружить свой мозг	55
Наталья Варская	69
Реалистическая комедия	70
Писатели и читатели	70
Сладкая жизнь	71
Луковое счастье	72
В тихом омуте	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Девять Жизней

Группа независимых авторов «ВКонтакте»

Валентина Петровна Спирина *Редактор*

Валентина Петровна Спирина *Корректор*

ISBN 978-5-4490-8599-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сообщество авторов ВКонтакте «Территория Творчества» представляет совместный проект «Девять Жизней» Все произведения в данной книге печатаются с согласия авторов.

Все произведения в книге печатаются в авторской редакции

Все произведения охраняются законом РФ об авторском праве

Материал для обложки взят с сайта Pixabay.com

Россия – Беларусь – Казахстан – Израиль

Александр Дагай

Израиль – Кейсария

К вершине бытия незримо возношусь

**К ВЕРШИНЕ БЫТИЯ НЕЗРИМО ВОЗНОШУСЬ!
ДУХ СВЕТА ЧЕСТВУЮ, ЯЗЫЧЕСКИ УПРЯМО!
ПОЭЗИЕЙ ЖИВУ, ДЫШУ Я И ГОРЖУСЬ,
ЧТО СЛАВЛЮ ИМЯ МУДРОГО ХАЙЯМА!**

**Сколько сладких красавиц в объятьях держал.
В наслаждениях страстных про все забывал.
Только срок подошел и не радуется «счастью»,
От которого раньше ночами не спал...**

Дух Хайяма

Жертвуй всем для любимой себя не щадя,
Жертвуй тем, что дороже всего для тебя.
Миру сердце открой и наполни любовью,
И не плачь как узнаешь, что жертвовал зря...

Лучше в страсти безмерной пылать и сгорать,
И в разлуке с любимой ночами не спать.
Даже лучше отвергнутым быть, но поверь мне —
Это лучше, чем жизнь без любви коротать...

В омут глаз я сегодня твоих заглянул
И, забыв про рассудок, я в них утонул.
Без вина пьян без меры, отведав блаженство,
Словно в рай мне Аллах настезь дверь распахнул!

Мне сегодня приснился удивительный сон.
В этом сне, словно в сказке, был я снова влюблен.
Ты была, будто ангел, чиста и невинна.
Я восторгом и счастьем снова был опьянен...

Как же ты восхитительна, как хороша!
От тебя без ума и султан и паша!
Всех чаруют глаза, тайным блеском сверкая,
Но не знает никто, насколько черства душа!

В лобзаниях пылких бушует лишь страсть.
И в ласках горячих упорствует страсть.
В безумном сплетении тел вожделённых,
Любви не найти – там главенствует Страсть!

Елеем стекает из уст твоих ложь!
Любовью клянешься – на деле лишь ложь!
В коварстве и хитрости нет тебе равных!
И в мыслях сокрытых одна только ложь!

К чему слова, коль музыкой Любви
Наполнены все помыслы твои...
Три сладких слова льются с душ влюбленных —
Их надо только вслух произнести!

Песнь слагать красоте, что быть может глупей —
Всё равно кто-то есть и милей, и стройней...
Я восторженный стих пропою вам про Душу,
Та, что с чистой Душой, ближе всех и родней!

Любви покорны внешность и года.
Любви подвласны радость и беда.
Когда любовь как роза расцветает,
Колючий разум слепнет навсегда...

В этом мире, где царствует похоть и срам.
Где в почёте подонок, мерзавец и хам.
Где обман и нажива – синонимы власти...
В сердце Дружбе и Чести я выстрою Храм.

Мир безумен и это случилось не вдруг...
Болен мир и смертелен коварный недуг...
Мир, в котором деньгам бьют поклоны, как богу,
Не спасет ни духовник, ни онкохирург...

Мир, совершив витка круговорот,
Исчезнет в прахе и опять взойдет.
Пусть тленно тело в миге мироздания,
Сияньем душ наполнен небосвод!

Выбирая дорогу, к цели прямо иди.
Осуждая другого, на себя погляди.
Уважай мудрецов, честь храни, как святыню...
Не убий, не злословь, не кради и не лги...

Не возвращайся к тем, кто предавал!
Не верь тому, кто, улыбаясь, лгал!
Коварных избегай, с льстецом будь настороже —
В овечьей шкуре прячется шакал!

Кто верных друзей никогда не имел,
Тот главное в жизни своей проглядел.
Склоняюсь в поклоне я лишь перед теми,
Кто прям, откровенен, надежен и смел..

Я в час испытаний зову тебя Друг!
В минуту сомнений зову тебя Друг!
И нет больше радости, нет больше счастья,
Когда Настоящий с тобой рядом Друг!

В писании ветхом поведано нам,
Что в небе воздастся по нашим делам.
Я бога пытался найти в своем сердце,
Но дьявола хитрого там отыскал...

Поверить Лживому – себе лишь навредить,
Пусть даже правду он пытался говорить.
С обманом истину он так перемешает,
Что сам потом не может отделить...

Паутиной незримой окутан мой сон.
Перепутал реальное с призрачным он.
От кошмара ужасного вмиг просыпаясь,
В отраженьи зеркал – вижу новый я сон.

Сколько было ошибок, падений, преград...
Быть достойным – вот смысл и побед, и наград.
Пусть придется пройти сквозь невзгоды и муки,
Умереть за ДОСТОЙНОГО буду я рад!

Опираясь на низших – презренье найдешь.
Опираясь на равных – недвижим уснешь.
Рядом будь с тем кто честен, велик, благодушен,
Опираясь на высших – величье пожнешь.

Я долго искал у Старейших ответ:
Есть Бог на земле или здесь его нет?
Всевышним его мудрецы называли...
Быть может, на небе узнаю секрет...

За годом год – года проходят мимо.
Рекою жизнь течет неумолимо.
Как близок тот, последний, поворот,
Где в вечном прахе станем все едины.

Добро без меры порождает Зло.

И боль от Зла, порой, творит Добро.
Деяний Мера этим миром правит —
Но мерой жить не каждому дано...

Бог и дьявол – их суть порожденье одно.
Ложь и правда возрастут, коль посадишь зерно.
Свет исчезнет без тьмы, тьма не может без света.
Мирозданию что зло, что добро – все равно.

Не сотворяя зло, иду ли я к добру?
Добро творя – потворствую ли злу?
Подобный богу, буду ли в ответе
За то, что суть Творенья не пойму...

Ты пришел в этот мир, чтоб судить и карать?
Под прокрустово ложе Иных подгонять?
Кто ты, Бог иль Герой, Меч домоклов поднявший?
И тебе ль Голиафа из пращи достать!

Соблазн тот так сладок, призывен, могуч и велик!
И Чувств, пробудившихся, страстный рождается крик.
Велением бога ему зарождаем подобных,
Откуда же столько завистливых, лживых и злых?

Тайной мрачной окутан уход в мир Иной.
Я спросил мудреца, что там будет со мной.
Мы сидели со старцем в молчании долго,
Он неспешно ответил – найдем там покой...

Не знаю о том, сколько жизней живу.
Что будет с душою, когда я умру.
Но знаю – из косточки старой урюка

Пробьется весной росток поутру.

Если каждый прохожий – голодный шакал.
Если в каждой улыбке – зверинный оскал.
Если глупость и мерзость тебя забавляют,
Значит, болен душой или вовсе пропал...

День сегодняшний – словно, итог прошлых дел.
Мы заложники Судеб – таков наш удел.
Не достигнуть того, что достичь невозможно.
Не постичь Мироздания незримый предел...

«In vinous verities» – коль истина в вине,
Сколь много жаждущих познать её вполне.
Что толку в МЕРЕ, коль её не зная,
В процессе поиска окажемся на «дне».

Дню, бесцельно прожитому, буду ли рад?
Пылью канувших лет – пепел горьких утрат.
Груз, прошедших невзгод, тяжкой ношей склоняет,
И не дал мне Всевышний ни благ, ни Наград...

В этом мире над нами главенствует Плоть,
От безумных стремлений скуден Хлеба ломоть.
Лишь душа осветит Ненасытность Желаний,
Лишь Любовь умирят Жестокость и Злость!

Пусть невзгоды и бури – крепись и борись!
И в закрытые двери – отыщи и стучись!
Пусть не понят и изгнан – не хнычь, не сдавайся,
А за счастье нашедшее – крепко держись!

По воле Господней ползти иль лететь.
По воле Господней рыдать или петь.
По воле Господней порочность и святость,
Родиться в грехе и в грехе умереть.

Грозной силе морской посвящаю стихи
И строкою нетленной звучат Рубаи!
Словно щепка, на гребне волны кувыркаюсь,
Как песчинка в руках беспощадной судьбы...

В тот год, как простится с тобою
единственный друг.
В тот день, как настигнет внезапно
смертельный недуг.
В тот час осознаешь бессмысленность
суетной жизни,
В тот миг ужаснёшься, познав
безысходности круг.

От власти имущих могу убежать.
От глупых и лживых могу убежать.
Презреньем отвечу всем лживым и подлым.
...Скажи – от себя мне куда убежать?...

Что сеял по весне, то осенью пожнешь.
Мечом вершишь ты суд, так от меча умрешь.
За зуб ты хочешь – зуб, а око – дашь за око?
Во злобе жил – во Мраке пропадёшь...

Мне ушедшую молодость вновь не вернуть
И друзей незабвенных, увы, не вернуть...
Время тает снежинкой в горячих ладонях,

Видно, время пришло подытожить свой путь...

Не кричи, не буянь, не безумь, не страдай!
Не ропщи, не грусти, слез не лей, не рыдай...
Раз не властно тебе изменить что-то в мире,
Будь с друзьями и в чаши вино наливай!

Новый Век для порока синонимом стал.
Для «Тельца золотого» возвели пьедестал...
Лицемерие и Хитрость – девиз лжепророков,
На аренах гламурных Сатана правит бал!

Ради истины чистой я готов умереть,
На бесчестье и подлость надоело смотреть.
Если Бог сотворил нас в любви и заботе,
Как Он может детей своих мерзость терпеть!

Человек – ты источник страданий и бед,
Так написано в Торе и мудрости вед.
Ты, в погоне за властью безумного рая,
Оставляешь шагов окровавленный след.

В душе чужой блуждаю, как во тьме,
Всё перепуталось в нелепом, жутком сне.
Я сам загадка бездны Мироздания
И Тайна бытия, досель, не властна мне...

Подруги и вино, лишь новый сон,
Разгадку Мира не отыщешь в нём.
Познать себя – вот смысл мироздания,
Но это проще, если ты влюблён!

Взгляни скорей – «Венец творения»
Среди Чумы, устроив пир,
Забыв свое предназначение,
В Слепой Гордыни рушит Мир.

Коль высший разум всё за нас решил,
Что ж, будем праздновать, пусть в бездну
рухнет мир.
Судьбы рабы – паяцы в балагане,
Где «хлеб» и «зрелища» – возведены в кумир...

Скажи, Любимым можно изменять?
Любовь свою возможно ль предавать?
Любовь – душа, летящая на крыльях,
Влечение к телу – не Любовь, а Страсть...

Если жизни замкнется бессмысленный круг,
Не ищи утешенья в объятьях подруг.
И в вине не найдёшь ты веселье и радость,
Повезёт – если рядом окажется Друг.

Как часто злоба и невежество стремятся
Плевать в колодец – где чиста водица.
Но не далёк тот час, когда, томимый жаждой,
Придёшь, глупец, к нему, чтобы напиться.

Любви покорны внешность и года.
Любви подвластны радость и беда.
Когда любовь, как роза, расцветает,
Колючий разум слепнет навсегда...

С достоинством по жизни шел.
Искал он мудрость и нашел.
Пресыщенный вином и грустью,
Встал, помолился... и УШЕЛ...

О, мудрец, ты вознесся над темной толпой!
И твои Рубаи уважаемы мной!
Для того, чтоб понять философский сей опус,
Мне, как духу, пришлось 300 лет быть тобой!

Не тот осел, кто «именем» гордится.
Не тот баран, кто к почестям стремится.
А те, кто спину перед ними гнет,
Желая к «Славе» «высших» приобщиться.

Скажи, что может выше страсти быть? Любовь!
– Но страсть огнем желаний наполняет кровь!
Стремленье обладать, безумствовать в соитии...
– ...Я сам, когда-то, страстью звал ЛЮБОВЬ?

Что толкового мудрость нам может сказать?
Бедняку и магнату – свой срок умирать.
И глупцу и философу прах уготован,
Сей не сей – урожай лишь живым собирать!

Воистину совет твой, Друг, хорош...
Но важен он, когда с Умом живешь...
Пред Дурнем спину часто гнем упрямо,
А слово Мудрого не ценим ни на грош!

Мечталось Истину найти, но не сбылось...
Старался жить в добре, но злом отозвалось...
В любви хотел я обрести свободу —
Предательством застряла в горле кость...

Я волшебная Лампа, ты – мой Алладин.
Я твой раб – для меня ты сейчас – господин.
Только, если меня, невзначай потеряешь,
То останешься снова без Чуда – один...

Меня, прошу, разлукой не кори!
Друг другу мы чужие – посмотри!
Мы разные, мы оба заблуждались,
Но боль утраты жжет огнем в груди...

Без встречи с милой жизнь не жизнь, а сон.
Без Лица чудного, коль ты в нее влюблен!
Не обойтись возлюбленным без Песни,
Которую мы вместе пропоем!

Для душ потерянных, ищу тропинку в рай.
Судьбой отвергнуты, бредут из края в край.
Покой не ведая, идут, куда не зная,
Ты, скрипка, песнь печальную им тихо заиграй!

В Мире МАЙА Иллюзия – Опий-цветок.
Путь ЛЮБВИ многозвучен и так одинок.
Кто познает Таинство Блаженства и Горя,
Тот распутает нитей нетканых клубок!

Ищи в СЕБЕ СВОЕ – вот мудрый мой совет!

Найдя, поймешь, что вовсе ТЕБЯ нет!
Так до седин последних доживая,
НЕВЕЖЕСТВО мы чтим не видя СВЕТ!

Я Хайяма стихи все давно прочитал.
Я его с детских лет Рубаи почитал.
И теперь, получив от него Наставление,
Много песен любви я уже написал!

Чтоб «ближнего» любить усвой такой закон:
Чем дальше БЛИЖНИЙ, тем роднее он.
Любить других, себя не познавая,
Попытка угодить в Иллюзию и СОН!

ВЕЧНОСТЬ, что это – МАЙЯ, как весь этот мир!
Мы раскрасим ИЛЛЮЗИЮ и устроим тут пир!
Что есть честность – МИРАЖ, беспросветный туман...
Миг, заполнивший память... бесценный САПФИР!

Иной, прожив всю жизнь, не знает вкус Любви!
Другой считал, что Страсть, есть соль Любви!
Так в череде влечений жизнь проходит —
Лишь избранный познает суть Любви!

Если я перестану писать Рубаи,
Значит путник усталый у Края Пути...
Дух, он вечен – найдет себе новое тело,
Ну а ты у могилки моей погрусти...

Мне Зависть, отроду, по жизни не дана.
Я получил от Господа перо и два крыла.
И пусть кутил, порой, красоткой увлекаем,

Без черной Зависти кувшин испит до дна.

Кем хочешь быть ты для меня?
Спросило пламя тихо у огня...
Огонь потух и пламя не успело
Понять, что хворост важен для огня!

Но один есть рецепт Суть «Себя» отыскать —
Надо ранней порой в чисто поле попасть.
И, умывшись столь девственно чистой росой,
Жизнь, как белый листок, изначально начать...

Если страхом окованы наши сердца,
На коленях стоять нам всю жизнь до конца.
До истоков причин добредем мы едва ли,
Только мед по устам потечет у глупца!

Прожив полвека начинаю понимать,
Что не дано нам в жизни выбирать.
Зато ИЛЛЮЗИЕЙ питаемся безмерно,
Что выбор дан нам, что-либо решать!

Пусть говорят, что Истина в вине...
Вино хорошее и по сей день в цене,
Но сколько бы вы мне ни наливали
Мне не найти суть Истины на дне...

Коль повстречаешь на пути своём НЕВЕЖДУ,
Не обращай вниманья на банальностей одежду.
Оставь потуги пониманье отыскать —
Погубит «знающий» последнюю надежду...

Познать себя, что в мире есть важней?
Узнать про суть бушующих страстей...
«Я» – самая большая в мире Неизвестность
И никогда не поздно прикоснуться к ней!

«Язык мой – враг мой», так в народе говорят.
На жизнь прошедшую я устремляю взгляд.
Болтун – всегда находка для шпиона,
Учусь я молча жить и этому я рад...

Сделай шаг к постижению тайн Бытия.
Отыщи среди масок своё скрытое Я.
Через тернии к звездам свой путь пролагая,
Рядом с Силой найдешь, наконец, ты себя.

Бурдюк наполнить хочешь чистой водой?
Глянь – под горою бьет источник ключевой.
Ни капли не добавишь свежей влаги,
Коль горлышко залеплено смолой...

Но есть мой друг ещё одна беда —
Коль застоялась в бурдюке вода,
Ты, прежде чем его опять наполнить,
Опорожни в канаву – вон туда...

Опять сложил я притчу про бурдюк*.
Коль ты не глуп, поймёшь, мой юный друг.
Коль вновь захочешь ты его наполнить —
Проверь, не прохудился ли он вдруг...

Чтоб женщину понять, простого смысла мало.
Она одна всех бед и всех блаженств начало.
Она и Змий, и Ева, и Господь...
И сладкий плод запретный для Адама.

От проблем убегая, «бомжом» можно стать.
Покидая родных – как изгоем не стать...
Для меня в этой жизни одна лишь дорога —
Суть Любви неземной, наконец-то, узнать!

Познал я незримую суть бытия
И с тайнами многими встретился я.
Что толку от знаний бесценных и важных,
Коль жизнь в суете потерялась моя.

Кувшин пустой не бродит молодым вином.
Заброшен, позабыт, грустит лишь о былом.
В мечтах живёт лишь новым наполнением —
Ведь здесь, сейчас пылиться его дно...

Коль ты любил, и коль любимым был,
Построил дом и сад ты посадил...
Взрастил детей и воспитал достойно —
Не зря ты значит в мир сей приходил!

Мне без любви и жизнь не жизнь, а сон.
И вместо песни из груди безмолвный стон.
Не жду НЕБЫТИЯ – оно со мною рядом,
Душа без крыльев падает в Содом.

Для тех, кто любит лицезреть бутылки дно,

Пора понять всего лишь правило одно:
Когда-нибудь на дне хмельного «Рая»,
Увидишь в Ад открытое окно...

Как часто для того, чтоб вкусно есть,
Мы забываем про достоинства и честь.
Но вот, приблизившись к исходу бытия,
Не сладок славы вкус и не волнует лесть...

Включая мозг, чисть «семена» от «плевел»,
Собравшись в путь, ориентир на север.
Ты ищешь истину в пустыне мироздания,
Но, как и все, найдешь лишь только пепел...

Анжелика Бакир

Казахстан – Астана

Природная россыпь значений и смысла

В рассветной дымке

В рассветной дымке. В шорохе листвы,
Качаясь, хрустнула предзимьем ветка.
Вспорхнули стайкой серой воробьи
До неба жизни. Обратившись в клетки.

Деревья стынут в прорези ветров,
В глубокий сон, на время, погружаясь.
А солнце осветило яркий свод,
Надеясь, что зима должна растаять.

С природной лаской, молчаливо – «да»
Холодная вступала во владения.
Застыв у воробьиного гнезда,
Где хруст от ветки вызвал сновидение.

Оно такое, знаешь, словно блик,
Играющий с предутренним восторгом.
Сознанием касаясь, правит миг,
И мир души не поддается торгу.

Не поддается мнимым миражам,
Различному плетению тонкой сетки.
Есть мост, что тоньше блеска в волосах.
Есть жизнь за хрустом от предзимья ветки.

Вьюга вьюжная

Вихрем вьюжит зимняя стужа,
Завывая, себя не зная.
Всё в неистовстве подгоняя.
Не поймешь, кто она такая.

У домов деревенских кружит,
В окна бьется, себя терзая.
В полумраке совсем седая
И живая, и не живая.

То калиткой стучит беспечно,
То возьмёт, занесет её снежно.
И следы о себе оставляя,
Унесется «девчонка шальная».

То метелицей обернётся,
Словно, горлицей разовьётся.
Тихо, ласково к елям крадётся
И по лапам мохнатым несётся.

До макушек деревьев спящих,
Но разбуженных и скрипящих,
К небу тянет их, ветви сплетая,
И отпустит, лихо играя.

То бураном резвится колючим,
В пару с ветром, просторно-могучим.
Словно снег, к испытаниям учит,
Загибая вихри по круче.

И сугробами стойкими, верными,
Строит замки невероятные.
Рукавицами – небылицами
Кружит обручи колесницею.

Мчит седая, преград не зная
Прибирая к себе, рассыпая.
Разгулялась совсем без края
Вьюга вьюжная – дочь земная...

Нежности вспыхнувшей крик

Можно, я тихо побуду в сторонке?
В этот морозный и солнечный день.
Девочка мимо проходит в шубчонке,
Белый берет набекрень.

Хрусты по снегу скрипуче искрятся
В сказочный мир превращая зимой,
Взгляды, улыбки, холодное счастье,
Крепкий, румянецевый зной.

Можно, по белому прутиком чёрным
Я напишу этот маленький стих?
Всё-равно, ветер оставит сметённым,
Нежности вспыхнувшей крик...

По тонкому льду

По тонкому льду. Провалюсь. Упаду.
Вниз глубина. Холода. Холода.
Льдами покрытая, стынет страна.
Мне не дойти никогда. Никогда.

Кто-то рассыпал рябиновых ягод,
Алые пятна о чём кровоточат?
В небо взметнулась застывшая наледь,
И у виска посекундная строчит.

Мысль... Что на грани.
А руки в карманах.
Солнце холодное светит, не греет.
Мимо пингвин чёрно-белый на Север.

А я скучаю о зыбких туманах,
Свежих, не скошенных вёснами травах.
Белых, как облако пенных дубравах,
Что утопали в предутренних павах.

Было. Осталось в рябиновых странах.
Смех – одинокой равнины охотник.
С неба по льду.
Хрустом лёг под ногами...
Треск..
И по швам тонкой наледи троник.
Холод...
 Горячий...
 По краю...
 Снегами...

Весенница

Распустила косы красна девица
И сидит сама себе румянится.
Ущипнул за носик друг метелицей,
Что ж ты так?
А может, ей не нравится?

Топнув ножкой в казачках серебряных,
Мартовская, цветом – раскрасавица,
Всколыхнула ручкой ветви ельные,
Усадила на коленце Санницу.

Да, по горкам ладушкой, задиристо,
Заигралась с февралем крылаткою.
Птицы зачиликали залиvisto,
Баловнице шумкою отградною.

Намекает теплотой Весенница,
Никуда, мол, от неё не денешься.
Млеет зимушка – былого странника,
Тает вся от снега серо-белого..

Забавляется, сама себе смешинка,
Знает красоту свою проказница.
Улыбались ласково снежинки ей,
Засмотрелась на неё отградница.

Озадачились деревца неприкрашены,
Замечтались одеяниями яркими,
И сережками, цветами разукрашены,
Сарафаны, красочно подарками.

Ожила природа, встрепенулася,
Что Весны балованная крестница.
Февралю донельзя приглянулася,
От того спросился малым месяцем.

И стелил ковры заледенелые,
Замки с хрусталя ковал для вестницы,
Ворошил заносами несмелыми,
Выводил до неба виты лестницы.

Распускала косы красна девица,
ЛЮбая Весенница-проказница.
И щипал за нос милочек бережно,
Февраля она теперь избранница...

Растревожилось

Растревожилось небо синее.
Разрумянилось солнце ясное.

Это я – твоя не озимая.
Это ты – моё пламя страстное.

Разливай ручей воды чистые.
Расцветай Земля, что есть моченьки.

Протяни сердца бескорыстные,
От святого дня – в сны глубокие.

Разметается древо ветвями,
Разухабисто спешно – звонкое.

Там, где ты живешь – за метелями.
Там, где я живу – за сторонкою.

Раскачается всё качелями,
До небес взметнёт безбоязненно.

Или ты уже – разуверенный.
Или я стыжусь дня бескрайнего.

Поле чистое и волной ковыль.
Солнце с месяцем в раз венчается.

И в сторонке ждёт родниковой выпь.
За метелями филин мается.

Хорошо на душе! Хорошо!

А на улице пахнет весной.
И Луна стала ближе к Земле.
Ярче звёзды сияют, хмельной
Запах свежести в тающей мгле.

Я на небо взгляну в сотый раз,
С благодарностью вспомню о той,
Что знакомила будто бы нас,
Наполняя значения душой.

Пели робко в лесу соловьи,
Снежных шапок на ветках покой,
Тает, тает тихонько в тиши,
Незаметно уходит к другой.

Чтобы снова вернуться, опять,
Опуститься пуховым крылом.
И остывшие ветви обнять,
Окружая забывчивым сном.

Хорошо на душе и светло,
Несмотря на февральский мороз.
А под снегом ликует тепло
Ожиданием всхожести грёз.

Поспеши, моя радость Весна!
Закружи разноцветьем трав.
Я влюблённая в зиму одна,
И чудесный витает твой нрав.

Вечер страстный рисует мотив,
Полный всплеска эмоций и дум.
Никогда ни о чём не просила,
Никогда ни о чём не спрошу.

Пусть останется звёздная ночь,
Предвещающая радости вновь.
Мы, вдыхая, поверить не прочь,
В необычную нашу любовь.

Что на белый от снежности лист,
Рассыпается чувственность строк.
Мелодичный мотив пианист,
Наиграет волшебностью нот.

Хорошо на душе! Хорошо
От звенящей, воздушной зимы!
По которой заметно прошёл
Лёгкий стан баловницы Весны.

У нежности касание – миг

У нежности касание – миг.
Всего лишь миг необъяснимый.

На лепестках весенних слив
Пыльца по крапинкам. Красиво.

Ласкает ветер перламутр,
Жемчужной россыпью играя.

Растерянно вздыхает утро.
Оно привыкло, не взирая,

Взлетать повыше облаков,
Сиять лучами – каруселью.

А здесь, при виде мотыльков,
Осталось мягкой акварелью,

Слегка добавив теплоты,
Прозрачной для весны любимой,

И нежного касания миг
Стал более необъяснимым...

Тихой мелодией нежной

Тает безмолвием раскат, прогремевший о давнем «вчера».
Каплями дождь на ветвях расписался своим многоточием.

Солнечный свет, растворивший остатки тяжёлого сна,
Тихой мелодией нежной на лужах земных мироточит.

Трепетный ветер подхватит мотив по весенней листве,
Так молчаливо дрожащей, своей наготой неприкрытой.

И унесёт все тревоги дождя по небесной канве,
Каплей свечения, бережно в облако свитой.

По шепоту листьев... По шороху снега...

По шепоту листьев... По шороху снега...
По шелесту трав и притихшей волны.
Мерцала мозаика синего неба,
Доверив кусочки своей глубины.

Она необычна и с виду привычна,
На ощупь, на вдох и доверчивый взгляд.
Но что-то в ней было немислимо личным,
Таким необъятно-мельчайшим в сто крат.

До боли родная, до счастья литая,
Вселяла наивной надежды просвет.
По калейдоскопу цветному играя,
Смягчала границы меж «да» или «нет».

Природная россыпь значений и смысла,
В который по счёту случайностей раз,
По шороху снега... По шепоту листьев,
К себе возвращала ушедших из нас...

Мой милый Август, как же ты влюблён

Мой милый август, как же ты влюблён!
Весь в ожидании её прихода.
И наливаясь соком в корне плода,
Из года в год одною ей пленён.

Той, что касаясь трепетно листвы,
Слегка края дыханием согревает.
Она одна, одна всегда такая,
Которой никогда не скажешь «Ты».

Которой, собирая спелость дней,
Готовишь ароматные соцветия.
Похожие на хрупкие столетия,
Вливая скромность тяжести ветвей.

Склонив их, знаешь, что возьмёт она
Твои дары, как чудную награду.
И большего тебе совсем не надо,
Всё потому, что лишь тебе верна...

За цветами Скиф

Не спеши, сердечко, радость превознести,
На душе колечком ветренная весть.
Растревожит думы, в правду превратив,
Кувырочком клумба, за цветами – Скиф.

Головой кивает, сыплется гранит,
И река по краю стервенцом бежит.
Пелена в далёком спала с хрупких плеч
И слова намёком, стрелы да картечь.

Звёздное всё это – покрывало в ночь,
Где луна секреты выслушать не прочь.
Только ты, сердечко, сильно не стучи.
Пролетело лето, осень впереди.

Что ты мне расскажешь крашеной листвою?
Пламенным багрянцем на земле живой.
Всё, о чём мечталось, было, да сбылось.
Всё, что было малость, оказалось ось.

Василькового цвета утро

Василькового цвета утро,
Ветром в поле просторно колышет.
Восходящее солнце, будто,
Предрасветною радостью дышит.

Дышит

Холст, загрунтованный белым,
Затаился предутренней негой.
Ожидая касание кисти,
Он себя нарисованным видит.

Видит

Небо бескрайней лазури,
Цвет шафрана, сливаясь с лиловым,
Улыбаясь полям васильковым,
Щебетание птиц ранних слышит.

Слышит

Скрипка в закрытом футляре,
Вторит пению птиц звонко квинтой.
Знаки нотные гаммой раздолья,
Нотоносец по памяти пишет.

Пишет

Лист о блаженстве растущем,
Ровным почерком мысленно водит.
Василькового цвета чернила,
Естество мелодичности любят.

Любит

Женское сердце неспешно,
Мерным стуком тихонько разбудит.
Утром ласковым бережно, нежно.
Оно час пробуждения помнит.

Помнит

Памяти сон до рассвета.
Все видения, что прозвучали.
В небесах василькового цвета,

На палитре души заиграли...

Капризы фэнтези девчонки

На твой вопрос отвечу точкой,
И очень круглой, словно «блин».
А рядом тысячи кружочков,
И раскидаю серпантин.

Одену шляпу я с полями,
На них цветов, тебе не счесть,
Сады, моря и океаны,
Там даже Город «Z» – а есть.

И в нём малюсенькие люди
Не ведают ни зла, ни бед.
Ни ссор нисколечко, ни грусти
И любят «Фабрику конфет».

Там горы шоколадных плиток
С начинкой (мы и не видали).
Букеты сахарных корзинок,
Кто съест – заговорит стихами.

Там нет вопросов и ответов,
Там нет ни ночи и ни дня.
Им сладко на полях живётся,
Красивой шляпки у меня.

И не ходи по серпантину,
Не разукрашивай картонки.
Не смейся над моей картиной
«Капризы фэнтези девчонки»

Очередной ведёт показ

Витраж осеннего мотива,
Мираж закатного сукна.
Винтаж на вековое диво.
Купаж для древнего вина,

Что испивали мы не раз
И всё одна, одна она,
Очередной ведёт показ.
Чем переменчивость сильна.

Листвы заманчивая щедрость,
Для глаз и сердца радость – грусть.
И пусть затишья оголенность,
Ветвей скрывает в гуще. Пунш

Испить с капризной природой
Заретушировать дождём.
«Златая осень» – снова в моде,
С воспламеняющим огнём

Горит,
А может догорает,
Клубясь неистовым нутром.
Витраж листвы пылает краем,
Под утро – иней миражом.

Винтаж сезонный у одежды
На серый холст купаж небес.
Пятнистая мелькнула серна
И скрылась в осени чудес...

Не роняй мне, осина, листву

Не роняй мне, осина, листву
В распростёртые к небу ладони.
Видишь, строчек моих глубину
Прикрываешь опавшею кроной.

Нам с тобой в одночасье спустить,
Одинокие ветви сплетая,
Что заставят телами грустить
О листве, где мечты расцветают.

Ты доверчиво так же, как я,
Всем дождям и ветрам шла негой.
А теперь свои строчки роняем,
Ты в ладони мои, я в небо...

Грусть

Что значит грусть?
Когда всё понимаешь
И, словно, ворох листьев собираешь,
Опавших и никчемных, вроде слов,
В которых только что жила любовь

Остатками не выплеснутых капель,
Наполнен вдох утраченной растратой.
И дождь терзает окна мокрой лапой,
Смывая дней минувших яркий след.

Журнальный стол, обёртки от конфет,
Где пустота от сладости, вкусившей
Воспоминания ванили, растворившись,
Нам не раскрыла вечности секрет

Грусть плачет...
Воздвигая парашют...

Осень-Рысь

«Осень-рысь». Не скажешь «Брысь!».
В мягкой лапке её кисть.
Расплескает, не узнаешь
Где «пора», а где есть «жизнь».

И на ушках завитушки,
Что весной серёжки-стружки
У берёзки, у подружки.
Цвета охры. Зацепиииись!

Обуздав золотую рысь!
В россыпь осени умчись,
По бескрайней цветовой.
С долу до небу и ввысь!

От багряного – хмельной,
До прозрачного – стрелой
По горам да луговой.

Пой, Земля вся расцветная!
«Осень-рысь» несёт с собой
Плодородие без края!
Улетает южно стая... а-я... а-я...

Ворожба из листьев спада,
Лень костров дымящих сада.
Сказка! Миру явит быль!
Отшумел волной ковыль. Иль?

То ль не вечер летний-штиль!
Некогда влюблённым плакать,
Собирать гербарий – папки!
Целоваться звонко надоть.

Словно молнией пронзённым!
До зимы холодной оным.
Эх! Ты, рыжая походка!
На реке кочует лодка.

Брызг!
Лету скажет: «Ну-ка, брысь!»
Осень-рысь в осенний лист
Обернётся...
Отцепись...

Природы поздней тёплая постель

Природы поздней тёплая постель
От золотисто-охристого тона,
Бордовый бархат мягко, баритоном,
До нежно-голубых её очей.

На листьях изумрудный штрих рывками,
Лишь градиентом жжёная сиена,
С отливом перламутра над мазками,
Желтеет край осеннего катрена.

Вся соткана из листьев падших клёна.
Из лепестков поникших, спелых грёз.
Казалась временами несмышлёной,
Рассыпчато-красивой в небе слёз.

Она была всегда неповторимой
И в нежно утопающем приволье,
Естественным дыханьем золотила
Пред зимним сном природы всё живое.

Сиренево-туманной поволокой,
Качалась до утра меж серых веток.
Задумчиво вздыхала синеокая
И укрывала землю первым снегом.

Нечаянный экспромт

Иду под шелест грустного дождя,
Замедлив шаг, боясь его нарушить.

Мелодия – начало октября,
Тихонько проникает в мою душу.

Задела стрункой милый сердца стук.
И отзвуком не слабого концерта,

Раскатистому эху вторя, вдруг,
Отозвалась душа моя оркестром.

Шептались строчки тихо о любви,
Слеза катилась по щеке невольно.

И грустный дождь в моменты визави
Накрапывал по капле монотонно.

Похолодало.
Раскрываю зонт,
Спасти души
Нечаянный экспромт...

Терпкий запах дождя

Терпкий запах дождя по прошедшему боязно,
Разлиновано льётся усталой водой.
Что же хочет она рассказать твоей совести.
Что забудется некогда вечное «мой»?

Или «май» ... Да, какая вокруг окоlesiца,
Слышен шорох и вой водосточной трубы.
То ли спутника диск пред антенною вертится,
Ставя дыбой на место у веры кресты.

Всё не так... И не то... Видно хочется бо'льшего.
Без раскатов и молний, пронзающих грудь.
В прошлом много чего, безусловно, хорошего,
Только есть ли резон разворачивать путь.

Предаваясь обычному, буднично-цепкому,
Видя разность обличий пиров и чумы.
Разговоры ведутся по запаху терпкому,
За сияющим солнцем, за блеском луны...

Писем не пишу

Писем не пишу, в ТАКТ тебе дышу с утренней прохладой,
ты – моя.

Бирюзовым «да», васильковым «нет», вешнее проспят беглые
края.

ЧТО случилось вдруг, окоёмом в круг нежный ВДОХ, в ответ
вздрагнет ТИШИНА.

Сколько зим и лет прорастаешь тут, семена – весна, РАЗНАЯ она.
Много ли тепла, не спеши, проверь, тайны грёз всерьёз без потерь
ТЕПЕРЬ.

Верит бирюза тону василька, приоткрыла дверь – прошлое
не зверь,

Ласково вздохнёт, ночь за поворот унесёт печаль и не жаль
тех ЛЕТ.

Сколько ждать пришлось, а кому-то врозь запад и восток, на закат
РАССВЕТ...

Тишина внутри

Тихая такая... тишина внутри...
Когда слышишь сердцем шелест листвы...
Когда видишь сердцем проблеск зари...
Когда пишешь сердцем на снегу стихи...
Как рисуешь белым в небе синевы...
Как рисуешь мелом белые дожди...
Почему у снега белый цвет с индиго?
Он бывает нежным... Он бывает диким...
Почему у ландыша краткий миг цветения?
Словно, выжидает этот миг везения...
И в тумане белом ты не докричишься...
Но услышишь сердцем крики белой птицы...
Ты, как-будто, в двери вовсе не стучишься...
Дверь сама навстречу распахнуть решится...
Тихая такая... Тишина внутри...
Не меня за это ты благодари...

Сквозь амальгаму забытой античности

Необитаемый, тайными стаями
Птиц желтокрылых,
Печальными далями
Остров плывёт.

Вороны в сторону. Лебеди поровну.
Чёрными, белыми.
Лунную борозду
В косы плетёт.

Куполом зеркало, верно-неверное,
Краем надтреснутым
Воткано нервное
На черноту.

Солнце опасное перьями красными
Щелями стиснуто,
Стало атласное.
Рвёт высоту.

Красным по жёлтому, белым по чёрному,
Призрачным катером,
Кратеру гордому
Спать не даёт.

Тише обычного, до непривычности,
Сквозь амальгаму
Забытой античности
Утро идёт...

Раскрепостилась и перекрестилась

Раскрепостилась и перекрестилась,
Поставив метку и невхожесть вам.
Душа молила высказаться в милость,
Вошла в опалу между «здесь» и «там».

А «здесь» – ручьи весеннего разлива,
Играет солнце смело по утрам.
Расписанные дни бегут курсивом
По, прошенным пожить ещё, годам.

Нектаром будней наслаждаясь, дышат
Звенящей свежестью, витающей в тиши.
И льётся свет, стекающий по крышам,
Не преломляясь, искренне спешит

Посеять радость и любовь повсюду,
Увидеть восходящие ростки.
Не слышать слов «я не хочу, не буду
Для будущего воздвигать мостки».

А «там» – трясина захудалой боли,
Корявость чувств и слизь противной лжи.
Разбитых снов раскиданные сколы,
Трухой и пылью смерч кривой кружит.

Упавшему «там» не дадут подняться,
Испить воды от жажды не дадут.
Их голоса – любители смеяться,
Распространяя немощный недуг.

Раскрепостилась и перекрестилась,
Вошла в сады прекраснейших цветов
Набрать семян, ведь каждому по силам,
Ухаживая, возвращать любовь...

Не дари. Не встречай. Не надо

Не дари мне в цветочных горшках орхидеи.
Не стели мне под ноги ковры хризантем.

Не взрывай лепестки, что совсем не хотели,
Стать основой любви, украшая постель.

Не дари мне «парфюм» ароматов французских.
Не встречай моё утро с подъездом моим.

Не следи по звонкам, где чужие и близкие.
Не срывай голоса свои в бешеный ритм.

Ты совсем не поймёшь все желания сердца,
И решил приукрасить. Смешной антураж.

Не хватает щепотки забавного перца,
И загнать все форсунки горохом в гараж.

Стой! Не надо колечка за красным велюром.
Лучше в кресло присядь. Отключись. Отдохни.

Разноцветье весны пляшет в парке аллюром,
Рассыпая для нас настоящую жизнь.

Максим Киселёв

Россия – Брянск

Хочу дружить свой мозг

Скинуть подковы, впору
давно. Людские ноги,
превратились в копыта, скоро,
ослиные, важно, строго,
шелкают по брусчатке.
Гордой осанкой, неохотой,
краснотой глаз сетчатки
доставляют себя на работы.
Предложения горнами,
звучат:
– Пасти позакрывать,
быть покорными,
молча пахать.
В себе не копайся,
пятидневка отлично,
заработок приличный,
жди выходных. Старайся,
забудь, детские взгляды
с высоким полётом птицы,
к земле прижимаются,
умываются пыльные лица.
Трудовой договор – купчая.
Не продешевил? По режиму,
в час, кружка чая,
сухой после отжима,
из вчера в завтра, спешно.
Откинув сегодня, в запарке.
Времени нет. Грешно
тратить с детьми в парке.
Выше планку, на нос окуляр.
Вышел,
отменный, в стаде экземпляр!

Глаза спрятав
за очками чёрной
оправы.
Холодной,
не целуя в лоб,
улыбкой одарила.
Топор, протирая салфеточкой,

с исполнением долга
кровавой расправы.
Словно веточки,
ручками нежными,
стволы ворошила.
Лес вдохновенный,
корчевала,
секла в щепу.
Бездейственно,
чем защититься,
и в мешке моём нет шила,
смотрю, чешу репу.
Ребра выломанные,
поправлю на место,
без опыта,
грубо.
И когда из моей девочки,
превратилась,
в жестокого лесоруба.

В себе – себе,
самостоятельно,
закантовавшись,
можно, многое сказать,
в уме,
простить,
в глубинах сердца пожалеть,
может быть, ругая.
Порой, на карму
уповать.
Бесчинно, свою вину другим
вменять.
В лучшем жанре медицина,
предполагая,
что люди —
убивают,
находишь алиби,
вину снимая,
с суицида.
Ты взял большую ношу на себя,
но прежде,
чем других судить,
реши,
кем быть...
Самозванец —
души своей,

не Бог и не судья.
Как маятник, внутри мотаясь,
не выходит...
определить
в себе себя.

Аргачатся,
не хотят попадать в ботинки ноги,
и возвращаться в свой нон-стоп,
бегом,
разнузданно,
раскрывши рот...
Взгляд в доски пола,
молча постою ещё в пороге.
По всем фронтам,
вернувшись на щите,
мне анонсирован
цейтнот.
Ударами,
пощечин крепких,
собственной дрожи
уйти,
рывками,
смело,
но на ощупь,
и не вернуться...
Задержка,
ломаясь,
стоять не прикрывая рожи,
в глазах с плеском,
обернуться
с натянутой улыбкой,
треском
кожи.

Из шкафа выкинуть,
все эти вещи,
жизни,
не по сезону.
Фрамугой открытой,
вползает нагло,
будоражащее лето.
На вешалках всё черно-бело,

серо.
Хватит!
Не в отряде лагеря зоны.
Опустошить полки,
выдернуть,
как коренные,
гнилые заменив,
рандоля цветом.
Беспощадно выбрасывать,
не жалея нажитого,
не слушая голоса
призмы
своего ада.
Продолжая вытряхивать,
тряпки,
оголяя захованные,
глубоко
скелеты.
Вопреки ропоту:
– Может не надо?
Изничтожив ширму,
освободить нутро,
хламом полное под завязку
Выколачиваясь,
болтом стертой резьбы
из толпы тождества.
Нарушая уставы нарисованной сказки
торжествуя,
в форме,
раскрытого бытия,
в вакууме,
пустоте космоса,
прокричать:
– Я – есть Я!

Сердца.
Паприки цвета,
алого,
болгарского перца,
революционного знамени.
Мысли – хрусталь горный,
глаза – прожекторы
чистого света!
Груди наши пылают
в порывах,
непокорного

пламени.
Ноги твёрдо шагают,
отчеканивая звонкий
ритм.
В руках наших планета,
Вселенная
целая.
Не сворачивая
с пути,
незыблем наш вектор,
наш алгоритм.
Улепетывайте из под ног,
сволочи!
Разбегайтесь в свои норы,
углы.
Торопитесь.
Перед некогда казнёнными,
на коленях теперь палачи.
Так ходили мы дети и взрослые,
разделенные на М и Ж.
Это наш!
Крестовый поход в ТСЖ.

От любви до ненависти один шаг?!
Нет!
Не так!
Неправда,
снова ложь..
Предначертание смотрит,
знает,
ждет.
Твой ход.
Мой шаг.
Поставить точку нестерпёж.
Игра идет.
Квадраты черные,
смешались с белыми,
в бреду,
ты ходишь прямо,
вправо,
влево.
Доска твоя...
А я...
упорно и настойчиво,
как пешка вперёд,
вперёд иду.

Ты властвуешь.
Ты – ферзь,
ты – королева.
Игра идет,
шагов немало сделано,
потерлись клетки черные и белые.
На троне,
за столом,
ты ищешь смысл,
победы суть,
а у меня все просто,
вперёд и прямо,
напролом...
Всё ради,
всё во имя,
для...
Но пешка на доске пройдя свой путь,
становится любой фигурой,
за исключением короля.

Хочу сказать спасибо всем.
Тем,
кто помог,
кто лишь хотел,
кто отвернулся,
даже тем,
кто предал.
Ведь испытания не делают несчастными,
в них смысл другой.
Одна ступень.
Один порог.
Одна дорога.
Она дана,
чтоб из своих глубин,
ты истину поведал.
За ширмой несчастья спрятаться —
выход простой.
Тянутся руки.
Жалейте вешнего.
Стой!
Вот слабость,
порок малодушия.
Отбрось,
растопчи бумажную стену
бездействия.
Спасаясь,

от удушения внешнего,
губительно внутреннее
удушьё.
Действуй.
Воздвигнуть мир внутри себя,
и не принять
совместное участие.
Не выйдет.
Рукава по локти
закатай,
начни снаружи
строить счастье!

Оргалитом,
фанерой!
Доской обрезной!
Грудь свою заколачивал,
гвоздями,
соткою.
Сердце жженое,
запрятывал
от назойливых глаз,
любопытного зноя.
Поплотнее всё,
чтоб наружу не вытекло,
ни струей,
ни рекою.
Разойдитесь!
Не стоит толпиться!
Сколько же вас!
Здесь не рынок,
чтоб шупать с прилавка
товар,
вываленный напоказ!
А сороки вокруг.
Что?
Где?
Когда?
Видать, знатоки.
Каждый вдруг —
станет друг,
бросая слова —
в дар.
Выдавая советы,
горстями,
мнят себя тактиками.

До секунд столкновения с собственной
практикой.

Вытри сопли,
рукавом можно,
хныкать поздно.
Осенило.
Театр твой полон зрелищ разных,
подлых, заразных,
красивых
тоже.
На ключ дверь,
ключ в урну,
хата остыла.
Хлеб твой зачерствел,
как сердце стал.
Камень.
Напролет сутками,
головой своей,
в бубен,
имя её
барабанил.
Ложь мутная,
грязная,
стала теперь,
бессмыслицей.
Дрожь,
колотятся оба,
избежавшие,
друг друга виселиц.
На плахе,
посеченный кубиками,
как салат
греческий.
Готово!
Подавайте следующую,
тушу человеческую.
Всё равно слеплюсь,
прокрутив себя
в фарш.
Вот он я!
Мир мой —
Я весь Ваш!

Рыщу.
В жарком бетоне города,
истлевающий,
капони́р прохладный ищу.
Солнце – сердце,
печет
снаружи – внутри,
негде укрыться, хоть глоток,
воздуха свежего холода.
Схорониться,
если в твоей
с неба
упавшей на землю
сени.
Брегеты бьют центр сиесты,
пятнадцать ноль-ноль,
три.
В лучах света звезды, ярким отливом,
крылья твои переливаются.
У меня же,
как у Икара,
флигели плаваются.
Ретиво,
спешу оторваться,
топлёный асфальт не отпускает,
сжирая подошвы,
гудрона
ваксой.
Ты же лети,
Миру,
масленичный лист свой
неси, исчезая на горизонте как дымка.
Я буду здесь.
След в тротуаре.

Твой.
Отпечаток жевательной резинки.

Без страха,
в свет,
кручу свою изнанку.
Уши седеют от занеженности ваших слов.

Смотрите,
ретивое —
сеченое, драное,
молчит,
вашей бесконтактной сердца ранке,
холодное,
согревается пламенем
наломанных дров.
Соляжкой кропленные,
признания,
чувства, порывы,
порохом,
зримое и незримое,
полыхает сине-красным факелом.
Правда, красиво?!
Зрелищ хотели – вот!
Нашампуривайте,
жарьте
языки – хлеба корочки.
Для вашей,
по шнурке натянутой посадки,
в стороне
полыхает неразросшаяся
ёлочка.
И пускай чрево измято
в жмых,
болью
стиснуты зубы,
искривленный рот —
мне приветливей будет,
утюгами выглаженных,
лицемерных улыбок
однотипно уложенных в полочки.

Макая,
усердно кисть
не в гуашь,
красную.
Собственной кровью рисовал историю нашу,
как революцию.
Безжалостно надлежащую, —
в итоге
напрасную.
Под всеобщее рукоплескание получив
инволюцию.
Работа написана наспех,

выявлен брак,
нет глубины,
сухо.
В твоей галерее нет места,
заполнена,
новый кумир.
Подобно Винсенту отрежу,
отдам
своё ухо,
сердце и душу, жизни не жалко,
клади всё на полку —
мой тебе сувенир.

Не напишу стихи, поэму, оду,
ни слова я не посвящу тебе,
а наслагаю лучше нашему комоду.
Ведь мы умрем, а он, быть может, нет

Он много видел, более терпел.
рисунки, как тату, царапины, что шрамы,
Из тёмного угла на жизнь смотрел.
И видел, как дочурка становилась мамой.

Как дети выросли и разбежались кто куда,
как мать уже в годах свои концы отдала.
Дом стал приютом старого кота,
Всё вместе, в спешке, старушки дочь продала.

Семья другая, будто дежавю,
карандаши и дети, и коты с когтями.
Комод в безмолвии стоит в углу.
Он всё сберег, что в полках оставляли.

В семье решили отнести на свалку,
замену присмотрев со стилем,
Порезать на дрова, дощечки, палки.
Развод. И шторм сменился штилем.

Людей он повидал, немало их
бок о бок с ним пожил. Все они похожи.
Им так давно не дорожили,
а для него мы лишь прохожие.

Я знаю, это преступление,
но нет присяжных,
нет судьи,
нет такой статьи.
Она то что,
это квартира, дача, дом,
машина,
где её цена?
Какой сегодня курс
любви...
Она одна?
Две, три?
Дайте ведомость!
Тогда зачем её крадут,
и убивают,
она ведь...
мнима...
Пусть,
быть может не перед судом, но
перед жизнью,
на затворках,
люди отвечают...
В сомнении,
отвергая,
включив себя
в нелепый сорт,
не подозревая,
идут на преступление,
любви не начатой
аборт.

Молодость строптива,
прекрасный грунт
надменности и чванства,
сровняв прожитый фут,
с масштабами
Евклидова пространства.
Но как!
Научены?
В головы вбивались
нетленные советы мудрецов,
мы знали,
но порой пренебрегали
судьбой отцов и проотцов.
С иронией,
а может с шуткой,

так предрешил,
для нас
Создатель.
В час острый,
самый лучший,
учитель наш —
то наш предатель.

В железных ладонях,
железной хваткой,
железный молот держи.
Строка,
как десять грамм меди,
тяжёлая, лёгкая,
в строй!
Слова их звенят,
словно кирки ударами
точась о дно рудника.
Нет бреши,
гламурной затменности,
впитан надёжный устой.
Они разжимают те клещи условностей,
что дадены из далека.
И разрастаясь,
дубравой,
зелённостью,
сметают вокруг сухостой.
Пускай,
разорённые души,
с холодной улыбкой,
глядят с высока.
Не слышат их бранные уши
нет кнопки,
тревожной,
спасающего звонка.
Да!
Поэт в России, больше, чем поэт!
Да!
Писатель – больше чем писатель!
В наш черствый,
информационный век,
любой из них – уже спасатель!

Наталия Варская

Россия – Москва

Реалистическая комедия

Писатели и читатели

Было это в неизвестные времена в неизвестном государстве, которое населяли поэты и писатели. Имелись, конечно, и другие профессии – иначе жизнь бы остановилась, но писателей и поэтов было очень много. А вот читателей, раз-два и обчёлся. За ними, буквально, очереди выстраивались. В библиотеках на полках не книги стояли, а папки с адресами читателей, а в книжных магазинах читатели в креслах сидели в разных отделах, в зависимости от вкуса: Философия, Фантастика, Детектив, Поэзия и так далее. Писатели приходили, выбирали читателя, платили ему деньги и книги свои вручали. Был даже Союз читателей, были читатели – профессионалы. Премии различные были учреждены: Лучший читатель романов, Лучший читатель поэм, Лучший читатель бытовой прозы...

Поэты гонялись за слушателями, чтобы стихи свои почитать, вечера поэзии устраивали, платили гостям щедро и наслаждались, декламируя свои творения. Только, чаще всего, на эти вечера одни поэты и приходили. Приходилось друг другу стихи читать. Поэты друг на друга злились, но виду не подавали, даже хвалили чужое творчество, про себя думая:

– Ну зачем ты пишешь? Таким бы хорошим слушателем мог бы быть, а то и читателем!

Иной раз на улице подходит писатель к гражданину и книжку свою ему предлагает вместе с деньгами, а гражданин в ответ свою книжку предъявляет и тоже деньги суёт. Нелепая ситуация!

Старые люди рассказывали легенды о том, что были такие времена, когда за стихи и прозу деньги авторам редакции платили, что в библиотеках книжки на полках стояли, а в книжных магазинах книги продавались и за некоторыми очередь была. А ещё раньше, якобы, книги вообще были дефицитом и их достать надо было. Ну это уж совсем фантастика! Слушали люди эти байки и думали:

– Вот бы оказаться в том времени! Да, только, было ли оно?

А потом некоторые из них бежали домой и писали сказки или романы, в стиле фэнтези, об этих чудесных временах. Писали, относили рукописи в редакцию, платили деньги, забирали тираж и книги друг другу раздаривали, или платили профессиональным читателям. А остальной рабочий люд косился на них и называл тунеядцами да лоботрясами.

Сладкая жизнь

Виктор открыл глаза, в комнате было светло, а часы показывали полдень.

– Как хорошо, что я нигде не работаю! – подумал он.

Виктор сладко потянулся, свесив ноги со своей четырехспальной кровати, надел мягкие тапочки и пошёл в ванную комнату, отделанную мрамором и зеркалами. Там он долго плескался в пушистой пене с запахом альпийских лугов, а затем пил кофе с бутербродами в огромной, но уютной кухне. Икра красная, икра чёрная и никакой кабачковой.

– А не выпить ли мне виски с содовой? – подумал Виктор и сам себе ответил: – А почему бы нет?

Он подошёл к бару с коллекцией дорогих спиртных напитков, выбрал бутылку виски и принялся её открывать. Неожиданно из бутылки полилась пена, точно, как от шампанского.

– Странно! – подумал Виктор, а пена всё шла и шла.

Постепенно пеной наполнилась вся кухня и ощущение было настолько приятным, что захотелось в этой пене парить и кататься на шариках из мелких пузырьков...

– Вставай, идиот! – раздался противный женский голос, – На работу опоздаешь, будильник давно звонил.

Виктор открыл глаза и увидел перед собой, до тошноты надоевшее, лицо жены. Инстинктивно он отвернулся и упёрся взглядом в старый, пыльный настенный ковёр.

Виктор свесил ноги с узенького диванчика и вспомнил, что спит в кухне, так как в единственной комнате еле хватает места жене и двум детям.

Нехотя, Виктор поплёлся в совмещенный санузел, с почерневшей от времени ванной. Умываясь, он смотрел в грязное зеркало и думал:

– Лучше бы ЭТО был сон! Хочется проснуться там, в шикарной квартире с мраморной ванной! Эх, жаль, даже выпить не успел!

Луковое счастье

Павел Петрович хандрил уже несколько лет. Как только ему стукнуло сорок, дни рождения отмечать уже не хотелось. Был бы он пьющим – другое дело! И друзей было бы много, и отмечалось бы всё: от дня рождения, до дня взятия Бастилии. Но на свою беду пить Павел Петрович не мог физически. Пробовал несколько раз и все заканчивалось моментальной рвотой. Ну не принимал организм спиртного! Многие ему завидовали, особенно жёны знакомых мужиков, а он страдал. Деть себя было совершенно некуда. Раньше хоть бабы были, даже жена была десять лет. Брак распался из-за её стервозности – денег, видите ли, он мало зарабатывает. Никакого рая в шалаше жена признавать не желала, ребенка рожать отказалась, а в конце концов, вообще, ушла. И закрутился калейдоскоп девчат и женщин, одна сменяла другую, но со временем косяк этот иссяк. Вот был бы Павел Петрович при деньгах – налетели бы и в очередь выстроились. Вон и семидесятилетние мужики на двадцатилетних женятся, а тут не то что двадцатилетней, тридцатипятилетней не найдешь. Ровесницы, конечно, не рассматривались – какие-то они тётки уже все, раньше мужиков стареют.

Сосед Витька заметил, что Павел Петрович сам не свой и посоветовал зайти в книжный магазин. Там, мол, полно умных книг с советами разными. Может, откроется что-нибудь.

Пришёл Павел Петрович в магазин и тут же в глаза ему бросилась книга «Секс после сорока». Автором значился профессор Эмиль Шаффхаузен. И картинка была заманчивая: мужик в постели, а перед ним девица в корсете и чулках. Схватил Павел Петрович книгу, оплатил и побежал домой, стгорая от нетерпения.

Раскрыв книгу, он раскрыл и рот: страницы были совершенно пустыми.

– Бракованную подсунули, – подумал Павел Петрович и бросился в магазин.

Продавщица посмотрела на него с нескрываемой иронией:

– Так все книги такие. Это тонкий юмор, понимаете? По-молодежному – стёб. Ну смешно же! Книгу хорошо раскупают, дарят друг другу.

Павел Петрович шёл домой и от злости ему хотелось бить кулаком витрины. Это ж надо! Юмор! Малевич от литературы! Профессор! А потом он, вдруг, расхохотался. То ли, это была истерика, то ли, надоело злиться на весь мир. И тут Павел Петрович столкнулся, что называется, лоб в лоб, с женщиной лет сорока, сумка её упала, а из сумки посыпался репчатый лук. Вместе они стали этот лук собирать, а дама оказалась с юмором и собирая, сквозь смех приговаривала:

– Вот всё у меня так, нет что б в сумке романтические яблоки оказались, а то – лук!

Павел Петрович проводил женщину до её подъезда, а она его в гости позвала. Завязался роман, так и женился Павел нежданно-негаданно, а жена часто называет его:

– Счастье ты моё, луковое!

В тихом омуте

Бытовая ироническая проза

Людочка была типичной барышней. Ну невозможно было назвать её ни бабой, ни тёлкой. Личико, будто фарфоровое, небольшой тонкий носик, прямая спинка, красивые ручки, негромкий бархатный голосок. Глядя на неё так и казалось, что вот-вот появится карета и умчит барышню в шикарное поместье. Хотелось дарить ей цветы и плюшевых мишек.

Напротив неё, за столиком, в кафе сидел Николай – brutальный молодой человек с вольным подбородком.

Он что-то увлечённо рассказывал и если прислушаться, говорил, примерно, так:

– Реально, это про-о-осто! Все обожались. Пашка на раз этого лоха опустил. Как спросит: «А ты сам то чё, не местный?» Тот и завял конкретно. Людочка хлопала длинными ресницами и внимательно слушала.

Ей хотелось сказать, что так изъясняться – чудовищно, что она больше не может этого слушать. Но она ничего не говорила, так как понимала, что это абсолютно бесполезно. Людочке очень хотелось превратиться в большого, сильного мужчину с крепкими кулаками и двинуть Николаю прямо в челюсть, чтобы отлетел метра на три и упал. Тут же вспомнилась, так называемая, подруга Катя. Она постоянно донимала Людочку своими рассказами о сложной личной жизни и через каждые пять минут спрашивала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.